
12
ДЕВЯТЬ
МИНУТ
ТИШИНЫ
Марк Северин

Марк Северин
Девять минут тишины

https://litres.ru/74772097
SelfPub; 2026

Аннотация

В небольшом шотландском городе Беллвик обнаруживают тело архивиста Эдриана Вейла. Расследование приводит детектива Мэйв Керр к странному девятиминутному отключению насосов, противоречивым записям времени и документам, связанным с давней трагедией.

Чем глубже Мэйв погружается в прошлое города, тем отчётливее понимает: кто-то годами защищал удобную версию событий. Но подделанный документ ещё не доказывает убийства, а подозрение не заменяет улику.

Чтобы приблизиться к истине, ей придётся разобраться не только в чужой лжи, но и в том, где заканчиваются факты и начинаются собственные убеждения.

Содержание

Глава 1. Порог 5
Глава 2. Чужие часы 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Марк Северин
Девять минут тишины

Девять минут тишины

Глава 1. Порог

В Беллвике дождь сначала проступал на камне и только потом становился виден в свете фонарей. К тому времени, когда Мэйв Керр вышла из машины, воротник её пальто уже промок.

Архив стоял в стороне от торговой улицы, за низкими муниципальными строениями. Под лампой у входа двое полицейских говорили вполголоса. Мэйв расслышала последние слова сержанта Каллума Шоу:

— Пока ничего не трогали.

Он заметил её, расправил плечи и не стал повторять приветствие. Мэйв была благодарна ему за это. В таких местах любезности часто звучали как просьба не смотреть слишком внимательно.

— Время обнаружения?

— Двадцать один тридцать девять. Так отмечено прибытие первого наряда и обнаружение тела. Сообщение поступило раньше, в двадцать один двадцать четыре. Анонимное. Диспетчер уточняет исходную запись.

— Значит, не говорим, что человек умер в двадцать один тридцать девять.

— Не говорим.

Шоу не обиделся на поправку. Он вынул блокнот, чтобы Мэйв могла видеть, откуда взялись числа, но не протянул его

ей. Даже это маленькое движение было правильно: информация оставалась на своём месте, пока её не внесли в общую запись.

— Кто входил после наряда?

Он назвал тех, чьё присутствие уже было отмечено. Ни один ответ не заменял полного журнала. Мэйв попросила продолжать фиксировать вход и выход каждого, включая сотрудников, которые придут позже. На улице рядом с машиной стоял молодой констебль; его взгляд возвращался к тёмной щели за дверью. Мэйв вспомнила свой первый такой выезд — не само тело, а то, как страшно было обнаружить, что у каждого предмета вокруг него есть обычное назначение.

— Дверь была открыта? — спросила она.

— Когда прибыли, доступ внутрь уже был возможен. Точное положение двери и состояние замка в момент первого осмотра внесём по первичным записям. Я не хочу пересказывать чужое наблюдение как своё.

— Хорошо.

Внутри пахло мокрой штукатуркой, пылью и нагретой проводкой. В коридоре за стеклянной перегородкой стояли тележки с коробками; на одной была наклеена старая бумажная этикетка, края которой скрутились от сырости. Архив не казался местом, где что-либо происходит быстро. Здесь вещи переживали людей именно потому, что их перекладывали медленно.

Мэйв остановилась перед внутренним проходом. На полу

обозначили границу, за которую нельзя было входить без согласования с теми, кто работал на месте. Она посмотрела на обувь Шоу, затем на свою. Сырая подошва могла принести сюда столько же ненужного, сколько невнимательный вопрос — в протокол.

— Эдриан Вейл? — произнесла она.

— Предварительно. Архивариус. Личность проверяется по установленному порядку.

Имя она уже слышала от дежурного. Но сейчас, в узком коридоре, оно стало менее определённым. Пока личность не подтверждена, человек на полу был не историей, а обязанностью не ошибиться. Мэйв сняла мокрые перчатки, убрала их в карман и дождалась, когда ей объяснят, где можно стоять.

Только после этого она вошла.

Сначала Мэйв увидела порог. Низкий металлический край между двумя уровнями пола был стёрт в середине до тусклого блеска. По одну сторону лежала тёмная дорожка, по другую начиналась короткая бетонная ступень. Если идти быстро, не глядя под ноги, перемену высоты можно было заметить слишком поздно. Это была возможность, не объяснение.

Чуть дальше находился мужчина. Его положение уже зафиксировали прибывшие сотрудники; Мэйв не стала приближаться настолько, чтобы заслонить обзор или оставить следы. Она различала неподвижную руку, ткань рукава, край воротника. На бетоне возле головы темнел след. Расстояние

между ним, ступенью и порогом требовало измерений, а не воображения.

— Следы вмешательства? — спросила она.

— Пока рано делать выводы, — ответил Шоу. — Место охраняется. Специалисты документируют состояние. Медицинская оценка будет отдельно.

Мэйв кивнула. Её раздражало слово «очевидно», которое всегда находилось у кого-нибудь на языке при виде ступени и повреждения головы. Очевидным было только то, что человек лежал там, где его нашли. Даже падение следовало устанавливать, а не выбирать из удобных версий.

Она попросила назвать всё, что было известно о первом контакте с телом: кто увидел, кто проверил состояние, кто вызвал помощь, кто принял решение ограничить доступ. Шоу отвечал по порядку, иногда сверяясь с записями. Там, где сведения ещё требовали подтверждения, он говорил «по первоначальному сообщению». Мэйв не торопила его. Позднее эти оговорки будут важнее уверенного тона.

За дверью ровно гудела вентиляция. Даже здесь машины продолжали работать, не замечая случившегося. Мэйв прислушалась к короткой паузе в гуле.

— Кто знает, что мы здесь? — спросила она.

— Дежурная часть, вызванные службы, руководство по цепочке уведомлений. Родственникам ещё предстоит сообщить в установленном порядке.

— Тогда никакого имени за пределами необходимого кру-

га. И никаких предположений о причине смерти.

У Шоу на лице мелькнуло выражение, которое Мэйв знала: усталость человека, вынужденного защищать очевидную осторожность от чужого любопытства. Он сказал, что уже предупредил дежурных.

Мэйв осмотрела помещение, не касаясь ничего. За порогом виднелись шкафы, несколько пустых папок на столе, стул с потёртым сиденьем. Пустая папка не означала похищенного документа. Сдвинутый стул не означал борьбы. Любая вещь могла стать уликой лишь после того, как кто-нибудь установит её отношение к делу и сумеет объяснить, почему она оказалась именно здесь.

Она заметила, что порог чуть выше края старого покрытия. Ей захотелось проверить это ногой, как проверяют ненадёжную ступень в собственном доме. Она удержалась. Достаточно было попросить точную фиксацию размеров и состояния, а также выяснить, проводились ли здесь ремонтные работы. Ни один ответ не должен был родиться из её подошвы.

— Он работал сегодня? — спросила она.

— Нам сказали, что мог задержаться. Кто именно это сказал и откуда знал, уточняем. Расписание и доступ в помещение будем проверять.

— Не путайте привычку задерживаться с доказательством, что он оставался один.

— Понимаю.

В тоне Шоу не было покорности. Он просто принимал гра-

ницу, которую и сам считал разумной. Мэйв доверяла таким людям больше, чем тем, кто заранее угадывал ответ начальника.

Хлопнула автомобильная дверца. Свет изменился, и бетонная ступень показалась ниже. Мэйв отметила, как легко первое впечатление зависит от угла лампы.

Она достала блокнот и написала два слова: «порог — измерить». Ни стрелки, ни вывода. Чуть ниже: «время — разделять». Это были не зацепки, способные привести к убийце. Это были запреты на поспешность.

Когда она подняла голову, молодой констебль у входа смотрел в сторону тела. Он отвёл глаза слишком быстро.

— Как вас зовут? — спросила Мэйв.

Он представился.

— Вы можете выйти на минуту, если ваш участок уже передан коллеге. Только отметьте передачу. Не нужно изображать, что вы ничего не видели.

Констебль выпрямился, словно ожидал выговора, потом коротко поблагодарил. Мэйв не стала спрашивать, как он себя чувствует. Она помнила, как трудно отвечать на этот вопрос, когда тело ещё находится в нескольких шагах.

Она вернулась взглядом к порогу. Металл, бетон, несколько сантиметров разницы. Всё, что отделяло физическое устройство комнаты от истории о том, что здесь произошло, пока оставалось неизвестным.

В служебной комнате у входа им выделили стол, на ко-

тором кто-то оставил кружку с засохшим чайным ободком. Мэйв попросила её не убирать: пока помещение не осмотрено и не решено, что имеет отношение к событию, даже уборка должна подождать. Шоу сел напротив и положил рядом блокнот. Из коридора доносились приглушённые голоса прибывших специалистов.

— Давайте с начала, — сказала она. — Только то, что мы можем назвать источником.

Шоу прочитал последовательность: анонимное сообщение в двадцать один двадцать четыре; прибытие и обнаружение тела в двадцать один тридцать девять. Между двумя отметками лежали пятнадцать минут, но они не были временем смерти, не были временем преступления и даже не доказывали, что сообщивший видел тело собственными глазами.

— Диспетчер Элис Грант сможет подтвердить, как сообщение поступило и что именно было сказано, — добавил он. — Запись и журнал запрашиваем надлежащим путём.

— Не пересказывайте мне содержание, пока не сверите его. Чужой пересказ быстро становится собственной памятью.

Шоу отметил это на полях.

Мэйв думала о семье архивариуса. Если личность подтвердится, кому-то этой ночью сообщат о смерти. Она хотела, чтобы до официального разговора родственники не услышали чужих догадок.

— Мы не обсуждаем детали с теми, кто не участвует в ра-

боте, — сказала она. — И не называем происшествие убийством только потому, что нас вызвали ночью.

— Но и несчастным случаем не называем.

— Именно.

Шоу выдохнул и впервые за вечер позволил себе усталую улыбку. Она исчезла, когда он посмотрел на дверь.

— Здесь всё устроено так, будто никто никогда не спешил, — сказал он.

— Люди спешат и в архивах. Просто бумага делает вид, что нет.

Мэйв услышала собственную реплику и пожалела о ней. Слишком красиво для этой комнаты. Шоу, к счастью, не стал отвечать.

Они распределили первые действия. Требовалось сохранить место обнаружения и первоначальные записи; установить, кто находился в здании и имел право доступа; уточнить последовательность вызова и прибытия; обеспечить надлежащую передачу материалов экспертам и информирование компетентных органов. Каждое действие имело ответственного, но ни одно ещё не обещало результата. Мэйв отдельно попросила не превращать список работников архива в список подозреваемых: служебный доступ объясняет возможность входа, но не поступок.

— Насколько быстро мы узнаем о повреждении головы? — спросил Шоу.

— Быстрее, чем о его значении. Не торопите заключение.

Она знала, что судебно-медицинское описание и правовая оценка смерти не одно и то же. В отчёте могут появиться измерения, признаки, вероятности. Решение о том, какие обстоятельства требуют дальнейшего расследования, не рождается из одной фотографии ступени. В Шотландии подозрительная смерть неизбежно означала работу не только полиции; дальнейшие действия должны были согласовываться с надлежащими прокурорскими полномочиями. Мэйв не собиралась играть в человека, который может единолично объявить окончательную причину и завершить дело.

На столе лежал пустой лист. Она повернула его к себе и начертила две колонки. Слева — «известно». Справа — «проверить». В первую внесла адрес, время полицейского обнаружения и наличие тела у внутреннего порога. Во вторую — личность, порядок доступа, содержание анонимного сообщения, обстоятельства повреждения и последнюю подтверждённую встречу архивариуса с кем-либо. Ни одна строка не соединяла эти вопросы в готовый рассказ.

— А время самого происшествия? — спросил Шоу.

— Пока не знаем.

— Даже приблизительно?

— Приблизительно — это тоже утверждение. У нас нет оснований делать его сейчас.

Пока Шоу говорил по телефону, Мэйв смотрела на дождь за окном. Звонок не обязательно означал свидетеля, ступень — падение, а поздний час — тайну. Ей предстояло прове-

рить каждое из этих слов.

Шоу закончил разговор.

— Можно приступать к проверке доступа. Сначала запросим исходные журналы и установим, как они ведутся. Есть сведения, что часть дверей открывается картами, но я не хочу утверждать, что каждая запись соответствует конкретному человеку.

— Правильно. Карта не лицо.

Она произнесла это почти машинально, однако записала. Когда-нибудь эта разница могла стать существенной. Пока она была всего лишь правилом работы с техническими отметками.

Из коридора донеслись шаги. Один из сотрудников попросил уточнить, где поставить дополнительное ограждение, чтобы не пересекать путь специалистов. Мэйв вышла вместе с Шоу. Внутри всё выглядело так же, как прежде: лампа, металлическая полоса, бетонная ступень, неподвижный человек. Но она уже знала, насколько ненадёжно это «так же». За прошедшие минуты место наполнилось чужими взглядами, вопросами и будущими записями. Каждый новый человек мог сохранить его точнее — или нечаянно изменить.

Мэйв остановилась там, где ей разрешили стоять, и оглянулась к наружной двери. За ней был город: мокрые тротуары, окна квартир, автобусы на последних маршрутах, люди, которым завтра нужно будет на работу. В одной из этих квартир, возможно, ждали Эдриана Вейла. Она не знала, ждали

ли на самом деле, и не позволила себе представить, кто именно.

— С чего начнём утром? — тихо спросил Шоу.

— С того, что останется проверяемым и утром. И с того, что может исчезнуть к утру, — ответила Мэйв. — Сначала сохраним второе.

Она ещё раз посмотрела на порог. Он не говорил ни о намерении, ни о случайности. Он только отделял одну часть помещения от другой. Всё остальное им предстояло доказать.

Глава 2. Чужие часы

К утру дождь стал мельче, но не прекратился. На подоконнике временно выделенной комнаты в полицейском участке Беллвика стояла чашка, из которой Мэйв Керр не сделала ни глотка. За окном серел октябрьский день, такой ровный и тусклый, что невозможно было угадать, сколько сейчас времени, не посмотрев на часы.

Она посмотрела. Семь сорок две. Потом отвела взгляд от циферблата: с предыдущей ночи всякое точное число казалось ей обещанием, которое ещё предстояло выполнить.

Каллум Шоу положил на стол перечень предметов, замеченных при первом осмотре, и дождался, пока Мэйв закончит заметку об уведомлении семьи.

— Нашли диктофон, — сказал он. — В рабочей зоне Вейла. Не у тела. Его видели при осмотре, но никто из нас не включал запись.

— Кто именно видел?

Шоу назвал сотрудников и уточнил, что положение предмета отражено в фотоматериалах осмотра. На листе стояло временное описание, а не заключение о принадлежности устройства. Мэйв перечитала строку. Она знала имя погибшего, но даже вещь с его стола не становилась его вещью только по соседству.

— Упаковка?

— Организована специалистами. Отдельная отметка о передаче ещё должна поступить. Я не хочу пересказывать её по телефону.

— И не нужно. До неё мы знаем лишь, где предмет увидели.

Он сел напротив. На улице автобус остановился у мокрого бордюра, открыл двери, выпустил двух школьников в одинаковых тёмных куртках. Мэйв невольно подумала о Саре Вейл: где она была, когда её отец в последний раз смотрел на свои часы? Вопрос не имел отношения к проверке диктофона и всё же не уходил.

— Диспетчер подтвердила, что первичная отметка сообщения — двадцать один двадцать четыре, — сказал Шоу. — Для деталей ждём надлежащим образом полученную запись и журнал. Полицейское обнаружение тела — двадцать один тридцать девять. Разницу между ними я записал отдельно.

— Пятнадцать минут не объясняют предыдущий час.

— Я и не утверждаю.

Мэйв подвинула лист. Последовательность «звонок — приезд — тело» скрывала разные источники: неизвестного звонившего, служебные отметки и смерть, которой нельзя было назначать удобное время.

— Не связывайте диктофон с вызовом только потому, что оба относятся к вечеру, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.